

Борис Архипович Рожков

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА МЕЖДУ ОУЭНИСТАМИ И ЧАРТИСТАМИ

В сб. «ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»

М.: изд-во Академии Наук СССР. 1962. С.256-290

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Дополнительные ссылки даны нами в конце статьи

В предлагаемом исследовании автор не ставит перед собой цель всесторонне разобрать взгляды Оуэна и программу чартизма. Его задача гораздо более ограничена: проследить на материалах публичных дискуссий характер и главные направления идеиних расхождений между чартистами и оуэнистами. Нам думается, что привлечение новых материалов из этой области поможет расширить наши представления о конкретно-исторических условиях, в которых проходил процесс преодоления рабочим классом идей утопического коммунизма и осознания собственных интересов.

1

Исторические предпосылки возникновения оуэнизма и чартизма при всем их различии имеют много общих черт. Общее определялось временем завершения промышленного переворота в Англии. Оуэн, как позднее и чартисты, имел возможность убедиться в революционном значении машинного производства и в порочной системе применения машин капиталистами, в результате чего машина из блага превращалась в бич для большинства английского народа. Выводы Оуэна, которые опирались на эти два реальных факта, имели большое прогрессивное значение для развития общественной мысли того времени. Оуэн не только теоретически, но и практически на управляемой им фабрике в Нью-Ленарке показал способность машинного производства при определенных условиях создавать высокий жизненный уровень для всех. Для того, чтобы эта возможность была реализована, говорил Оуэн, надо отказаться от капиталистических порядков и частной собственности. Обличая зло капиталистического строя, Оуэн исходил из реально существующих процессов капиталистического производства, что и позволило ему понять неизбежность и прогрессивность замены капитализма коммунизмом. Характеризуя прогрессивные черты в учении Оуэна, академик А. М. Деборин отмечает: «Оуэн был одним из тех,— а таких в его время было мало или совсем не было,— кто глубоко проник в природу новой фабричной систе-

мы и кто понял, какие перспективы она открывает для прогресса человечества, несмотря на тяготы, которые она породила непосредственно после своего возникновения. Он видел действительную природу капитала, создающего наряду со злом, с тяготами и страданиями для рабочих и условия для их освобождения»¹.

Иной источник происхождения идей Оуэна о путях и закономерностях перехода от капитализма к коммунизму. Ко времени разработки Оуэном основных положений его учения рабочие еще не представляли собой самостоятельной общественной силы. В политической области рабочие шли тогда за буржуазией (точнее, за промышленной буржуазией, или так называемым средним классом), что ставило их в зависимость от буржуазии и в экономической сфере борьбы. К тому же каторжный рабочий день, нищенская заработка и всеобщая безграмотность, порождавшие среди наиболее обездоленной части рабочих пьянство, воровство, проституцию и другие пороки, как бы отгораживали от глаз образованных людей становление нового передового класса.

Не удивительно, что, изучая окружающую его действительность, Оуэн увидел только одну организованную общественную силу — буржуазию и лендлордов, эксплуататоров. Причем они были организованы в партии, в государство, располагали всеми материальными ресурсами своих стран. Не видя никаких других организованных общественных сил, располагавших средствами для осуществления его идей, и понимая в то же время неизбежность замены капитализма коммунизмом, Оуэн связывал свои надежды с господствующими классами. С одной стороны, он пытался придумать такой путь к коммунизму, который не вызывал бы тревоги у эксплуататоров, с другой,— старался привлечь к своим опытам деньги богачей, средства правительства. На протяжении всей своей жизни Оуэн настойчиво, и каждый раз безуспешно, пытался убедить правительства эксплуататоров взяться за осуществление его социальных проектов. В 1817 г. он предложил свой план английскому парламенту, в следующем году — правительствам Европы и Америки, в 1851 г. с такими же предложениями он вновь обращается к правительству Европы и Америки и к английской королеве. При создании в 1823 г. первого своего общества («Британское и иностранное филантропическое общество для постоянной помощи рабочим») Оуэн привлек в качестве учредителей богатых английских меценатов, послов России, Франции, Испании, Пруссии и ряда других стран. Еще в 1817 г. Оуэн писал, что ставит перед собой задачу «найти способы, посредством которых можно было бы улучшить условия жизни бедных и рабочих классов с пользой

¹ А. М. Деборин. Утопический коммунизм Роберта Оуэна и чартистское движение. «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 6, стр. 4.

для предпринимателей»². В соответствии с этой задачей Оуэн выдвинул на первый план средства пропаганды и примера (основание образцовой трудовой коммуны), которые, по его мнению, и должны были привести к желанной цели, минуя революцию угнетенных.

С целью организации такого примера Оуэн отправился в 1824 г. в Америку для руководства только что созданной коммунистической колонией «Новая гармония». Как и следовало ожидать, маленькая и одинокая коммунистическая община развалилась, и в 1829 г. Оуэн вернулся в Англию.

В Англии многое изменилось за годы отсутствия Оуэна. В стране нарастало широкое демократическое движение за избирательную реформу, в деревне происходили восстания батраков, неизмеримо выросла активность фабричных рабочих. В 1824—1825 гг. рабочие добились права на легальную деятельность профсоюзов. Повсеместно стали возникать союзы. Наряду с местными союзами возник ряд национальных тред-юнионов, таких, как Союз строителей паровых машин, Всеобщий союз плотников и столяров, Великий национальный союз прядильщиков Англии, Шотландии и Ирландии. В те же годы ремесленники и рабочие приступили к организации производственных кооперативных обществ и меновых базаров.

На политической арене борьбы за реформу рабочие массы группировались вокруг известных буржуазных демократов Уильяма Коббетта и Генри Гента. Оба они стояли за предоставление избирательных прав рабочим и поддерживали стремления последних добиться с помощью реформы улучшения своего положения, что создало им огромную популярность и авторитет в народных массах. Быстрый рост политической массовой армии под радикальным знаменем Коббетта и Гента напугал промышленную буржуазию, стремившуюся к власти не для улучшения положения рабочих, а для еще большего их закабаления. Промышленная буржуазия отвернулась от масс и стала искать компромисса с господствующей аристократией за счет народа. Коббетт и Гент ясно видели, куда поворачивает их класс, делали соответствующие предупреждения рабочим, но пойти на разрыв с буржуазией не решились.

Предательство промышленной буржуазии, последнего союзника рабочих среди классов, стоявших над ними, явилось громадным ускорителем пробуждения классового сознания английского пролетариата. Сама жизнь показывала рабочим, что им никто не принесет облегчения, если они сами не позаботятся об этом. Под влиянием данного исторического урока рабочие стали искать новых путей борьбы за собственные интересы.

Процесс поисков новых путей борьбы оказался трудным и противоречивым. Вначале прошлое еще господствовало над со-

знанием рабочих масс, что нашло свое выражение в широком распространении среди них веры во всеисцеляющую силу утопического учения Оуэна. Прежние связи Оуэна с рабочими переросли в направление рабочего движения, известное под названием оуэнитского, или социалистического (утопического социализма)³. Но оуэнизм не мог разрешить поставленной историей задачи объединения рабочих в особую силу, противостоящую буржуазии, ибо оуэнизм сам был с первых дней своего появления зависим от буржуазии. Поэтому не оуэнисты, а передовые представители рабочего класса положили первые кирпичи в строительство здания самостоятельной организации рабочих.

Этот факт не противоречит той положительной роли, которую Оуэн сыграл в английском рабочем движении. Ф. Энгельс писал: «Все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна»⁴. Имя Оуэна нельзя оторвать от борьбы английских рабочих за фабричное законодательство, сокращение рабочего дня, основание тред-юнионов и кооперативного движения. Не менее тесна связь Оуэна с действительными успехами в области формирования сознания английского рабочего класса.

Однако идейная преемственность между утопическим коммунизмом Оуэна и оуэнизмом принципиально отлична от преемственности между Оуэном и чартизмом. Представители оуэнитского направления в рабочем движении ограничились механическим перенесением учения Оуэна на почву новых исторических условий, что привело их к столкновению с действительным положением вещей, к неудачам, к отрыву от рабочих и дальнейшему сближению с буржуазными течениями. По мере того, как реакционность представителей оуэнитского направления принимала все более открытую форму, сам основатель утопического коммунизма отходил от них.

Иной характер имела преемственность между утопическим коммунизмом Оуэна и взглядами чартистов. В данном случае в основе преемственности лежал творческий момент, в результате чего был сделан новый шаг вперед в развитии коммунистической теории и организованной классовой борьбы английских рабочих. Восприняв от Оуэна социалистическую мысль, чартисты

³ Наиболее активными деятелями оуэнитского направления были Г. А. Флеминг (главный секретарь и редактор оуэнитского органа), Ллойд Джонс (один из самых популярных лекторов оуэнитов, член Центрального совета оуэнитского общества), Джон Буар (вице-президент оуэнитского общества в 30-х годах), старший сын Оуэна, Роберт Дель Оуэн (сопредседатель журнала «Кризис», помощник отца в организации пропаганды идей утопического коммунизма), Александр Кэмпбелл (видный миссионер оуэнитов), Георг Холик, Джон Грин, Джозеф Смит и другие.

⁴ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 200.

² Роберт Оуэн. Избранные сочинения, т. I. М.—Л., 1950, стр. 111.

развили ее до соединения с задачей завоевания политической власти рабочим классом.

Естественно, в результате качественно отличного восприятия учения Оуэна оуэнитами и чартистами между ними неизбежно должна была развернуться идеяная борьба. Идейные противоречия между оуэнитами и передовыми английскими рабочими, будущими чартистами, впервые открыто выступили в период массового движения за реформу 1831—1832 гг.

2

В марте 1831 г. в Лондоне возник «Национальный союз рабочего класса и других». Одновременно рабочие Манчестера и Сэлфорда объединились в «Политический союз». Основатели первых политических союзов рабочих⁵ объясняли свои действия тем, что задача освобождения рабочего класса может быть разрешена только им самим. В решении Национального союза рабочего класса и других говорилось по этому поводу: «...Союз основан с целью поднять рабочий класс из униженного положения, осуществить эту цель может только сам рабочий класс»⁶. Орган Союза «Заштитник бедняка» призывал: «Поднимайтесь, рабочие! Сбросьте летаргию, докажите своим угнетателям, что вы больше не будете их рабами»⁷. Чтобы добиться свободы, рабочие должны, по мнению членов Союза, объединиться в свою особую политическую организацию. По этому вопросу собрание членов Союза приняло следующую резолюцию: «По мнению собрания, если рабочий класс не поймет главных своих интересов, не объединится во всей стране в политический союз и самым серьезным образом не решит правильно изложить свои взгляды, то он вновь будет обманут, как его часто уже обманывали, и останется угнетенной... жертвой нынешней продажной системы»⁸.

Через два месяца после основания Союза была опубликована его программа «Декларация прав человека». Политическим лозунгом программы было требование всеобщего избирательного права, включавшее четыре главных пункта: избирательное право для всех взрослых, годичные парламенты, тайная подача голосов, отсутствие имущественных цензов. Вместе с тем провозглашалось, что рабочие начинают борьбу за всеобщее избирательное право с целью достижения своих социальных прав⁹.

⁵ Ядро их составляли будущие чартисты: Гетерингтон, Бенбоу, Клив, Уоткинс, Уотсон, Джон Джонс, Ловетт, Гарни и др.

⁶ «The Poor man's guardian», April 23, 1831; см. April 20, 1831.

⁷ Ibid., May 21, 1831.

⁸ Ibid., October 29, 1831.

⁹ Ibid., May 27, 1831. Такого же рода заявления см. в газете от 15 октября (р. 128) и других номерах. Весной 1832 г. была издана брошюра «На-

Однако на этом этапе члены Союза не решились объявить принятие данной программы условием для вступления в их организацию; им еще казалось, что требования рабочих возможно осуществить в рамках массового движения за реформу, руководимого радикальной буржуазией. Поэтому весной и летом 1831 г. мы не прослеживаем противоречий между передовыми английскими рабочими и оуэнитами. Более того, среди активных членов Союза мы находим даже таких откровенных противников самостоятельных действий рабочего класса, как редактор «Политических писем» Карпентер, который открыто поддерживал взгляды оуэнитов и состоял членом Комитета Национального политического союза (главной организации промышленной буржуазии). Тем же обстоятельством объясняется отказ большинства членов Союза в апреле 1831 г. принять предложение о том, чтобы оградить Союз от буржуазных элементов¹⁰.

Положение резко изменилось осенью 1831 г. В сентябре через палату общин прошел билль о реформе, который оставил рабочих по-прежнему бесправными. В обращении «Друзья, братья и сограждане» члены Союза заявили резкий протест против лишения рабочего класса избирательных прав. Когда же в июне 1832 г. был принят билль о реформе, ставший законом, члены Союза призвали рабочих продолжать борьбу за реформу¹¹.

Но кто же теперь являлся врагом, продолжавшим держать рабочих в бесправии и угнетении? До реформы 1831—1832 г. такого врага видели в правящей аристократии, теперь же вместе с ней править стал и «средний класс» (промышленная буржуазия), вчерашний союзник рабочих. А что изменилось для рабочих? Ничего, все осталось по-прежнему. И надо отдать должное большинству членов Союза: они сделали из этого факта правильные выводы. Впервые формулируется мысль о непримиримости интересов рабочего класса и буржуазии и об отсутствии всяких оснований рассчитывать на помощь угнетателей. Вы, рабочие, говорилось в одном из документов этого периода, «никогда не пользовались своими правами и не будете ими пользоваться до тех пор, пока кто-либо, будь то «конституция», «король», «священник», «лорды», «тори», «виги», «аристократия» или «средний класс», обладает мощью, необходимой для того, чтобы препятствовать достижению ваших целей»¹². В соответствии с таким пониманием раскола общества на два противоположных класса и непримиримости интересов между ними

родная хартия». К сожалению, нам не удалось найти ее в книгохранилищах Москвы.

¹⁰ См. «The Poor man's guardian», April 23, 1831.

¹¹ Документы об отношении Союза к биллю 1831—1832 г. см. «The Poor man's guardian», October 1, 1831; June 16, 1832.

¹² «The Poor man's guardian», October 29, 1831.

выдвигается задача «свалить» господство всей буржуазии¹³. Ради достижения своих прав рабочие не должны останавливаться перед необходимостью применения силы, если не окажется иного пути. В октябре 1831 г. было признано целесообразным пропагандировать идею «священного месяца» (всеобщей политической стачки)¹⁴, в ноябре — провозглашено право народа на вооружение¹⁵.

Наметился разрыв с буржуазией и в области социальной программы. В ряде опубликованных документов члены Союза потребовали немедленной ликвидации частной собственности. «Никакой собственности, которая является причиной неравенства, того неравенства, которое приводит ко всякого рода ныне существующим преступлениям, порокам и нищете»¹⁶, — говорилось в одном из них, опубликованном еще в июне 1831 г. «Смерть, смерть, немедленная смерть системе частной собственности» — говорилось в другом в сентябре того же года¹⁷. Наряду с общими декларациями было принято конкретное решение о собственности церкви и собственности, достигнутой «честным трудолюбием». В отношении первой говорилось, что все ее виды, приносящие доход, подлежат отмене: земли должны быть возвращены народу, церковная десятина и налоги в пользу церкви — отменены¹⁸. Вторая же из вышеназванных видов собственности объявлялась «священной» и подлежала, после того как рабочие достигнут политических прав, переводу «в такие каналы, которые, по мнению просвещенной законодательной власти, избранной всеми, превратили бы ее в средство содействия всеобщему счастью»¹⁹. В специальной резолюции о характере социального строя, к которому стремятся рабочие, отмечалось, что в нем будут установлены «равные законы и равная справедливость, машины будут использованы для пользы всего народа, а погоня людей за богатством исчезнет»²⁰.

Союз выдвинул также новые принципы внешней политики, осуждающие угнетение одного народа другим. В резолюции по Ирландии, например, было выдвинуто требование о предоставлении Ирландии свободы и независимости²¹.

Курс Союза на продолжение борьбы вплоть до завоевания рабочим классом политической свободы в целях построения спра-

ведливого социального строя получил поддержку передовых рабочих. Осенью 1831 г. еженедельные собрания членов Союза проходили в переполненном зале Большого театра Ротунда в присутствии шести-семи тыс. рабочих²². Несмотря на репрессии правительства, по всей стране успешно распространялась дешевая печать, издаваемая сторонниками Союза.

Известно, что деятельность Союза, рассчитанная на самостоятельное выступление рабочего класса в борьбе за реформу, встретила враждебное отношение со стороны буржуазии. Сотни сторонников Союза были брошены в тюрьмы. Но репрессии и враждебность со стороны господствующего класса не пугали передовых рабочих, так как они понимали, что буржуазия не сдаст своих позиций без борьбы.

В этой обстановке многое стало зависеть от позиции оуэнистов. Вне всякого сомнения, авторитет оуэнистов в рабочем движении этого периода был сильнее, чем сторонников Союза. За плечами оуэнистов лежал почти двадцатилетний период пропаганды идеи утопического коммунизма, практического опыта организации коммунистических общин, с их именем связывались первые шаги в области фабричного законодательства. Весной 1831 г. им удалось увлечь за собой массы, принимавшие участие в кооперативном движении. Большое значение имело и личное обаяние Оуэна.

Сторонники Союза рабочего класса имели определенные основания надеяться на помощь оуэнистов. Ведь и те и другие стремились к созданию нового строя, в котором не было бы частной собственности, эксплуатации человека человеком и других пороков капиталистического строя. Однако в самый острый момент, когда массы, узнав о враждебном отношении палаты лордов к проекту реформы, стали стихийно восставать, связанные с буржуазией оуэнисты использовали свой авторитет, чтобы отвлечь рабочих от политической борьбы. Они организовали свою Ассоциацию (12 декабря 1831 г.), создали орган «Кризис» (первый номер вышел в апреле 1832 г.) и стали созывать Конгрессы рабочих кооперативных обществ.

Какую же программу предложили оуэнисты рабочим? Они признали, что английское общество переживает глубокий революционный кризис, который, если не будет найден «разумный» выход, завершится «физическим насилием». И оуэнисты заявили, что они ставят своей целью не организацию масс для свершения надвигающейся революции, а принятие всех возможных мер к тому, чтобы конфликт между господствующим классом и народом не разрешился революционным путем; по их мнению, революция явилась бы неразумным, «злейшим» выходом из положения. Карпентер, например, в те дни писал: «Закон является остовом общественного строя, скрепляющим его отдельные

¹³ «The Poor man's guardian», October 15, 1831.

¹⁴ Ibid., October 29.

¹⁵ Ibid., November 26.

¹⁶ Ibid., June 11.

¹⁷ Ibid., September 17.

¹⁸ Ibid., March 17, April 28, 1832.

¹⁹ Ibid., October 15, 1831.

²⁰ Ibid., December 24.

²¹ Ibid., February 16, 1832. Об общих задачах рабочего класса по отношению к другим народам см. ibid. (Речь Осборна, произнесенная в защиту резолюции, об Ирландии).

²² «The Poor man's guardian», October 29, 1831.

части, ввиду чего нельзя позволять человеку ломать законы, что ввергло бы государство в анархию и беспорядок»²³.

Оуэнисты следующим образом сформулировали свои задачи: их печатный орган «во всех случаях будет стремиться отвлекать от религиозной враждебности, политической злобы и личных раздоров; его неизменной целью будет содействовать распространению истинного милосердия, доброжелательности и союза между всеми классами, сектами и партиями»²⁴. Оуэнисты призывают рабочих возложить все надежды в деле освобождения на организацию кооперативных общин в духе учения Оуэна. При этом оуэнисты заверяли, что рабочие найдут поддержку и понимание господствующих классов в строительстве кооперации. Им даже удалось в апреле 1832 г. уговорить делегатов конгресса кооперативных обществ Великобритании и Ирландии открыто выразить «искреннюю надежду», что правительства Европы и Америки (включая и правительство крепостнической России) объединятся с рабочими в осуществлении идеалов Оуэна²⁵.

Несостоятельность позиции оуэнистов понимала тогда, на заре пробуждения рабочего класса, лишь небольшая группа передовых рабочих, объединенная в Союзе рабочего класса; только она выступила с решительной критикой оуэнистов, когда стало известно об их первых организационных мерах и программных заявлениях. В статье Гетерингтона «Оуэн и рабочий класс», опубликованной через неделю после основания вышеупомянутой ассоциации, говорилось: «Пытаться на независимой основе осуществить, даже частично, какой-либо из филантропических взглядов Оуэна в обстановке существующего строя в стране и до того, как рабочий класс достигнет политической свободы, это все равно, что запрягать телегу впереди лошади; такие попытки закончатся неудачей»²⁶. В другой статье указывалось: «Оуэн поддерживает абсурдную идею, когда заявляет, что с помощью аристократии, погрязшей в грабежах, и вопреки несправедливым законам и беззаконию, он сможет осуществить кооперативные принципы... Независимую кооперацию нельзя успешно реализовать в нашей стране даже как эксперимент, пока рабочий класс не получит политических прав и не будут произведены изменения в существующих законах»²⁷. Важно отметить, что в устах Гетерингтона формула о получении политических прав рабочим классом имела значение успеха рабочих «в достижении политической власти»²⁸.

²³ «The Poor man's guardian», January 28, 1832.

²⁴ Из передовой статьи «Перспективы» («The Crisis», April 14, 1832)

²⁵ См. «Адрес к правительству Европы и Америки» («The Crisis», April 28, 1832).

²⁶ «The Poor man's guardian», December 24, 1831.

²⁷ Ibid., January 14, 1832.

²⁸ Ibidem.

С гневом и возмущением писал «Защитник бедняка» о роли оуэнистов в Лондоне во время решающих дней борьбы за реформу. В одной из его редакционных статей говорилось: «Что предприняли «искренние» оуэнисты в Лондоне против существующих гнусностей, за исключением того, что своим отрицанием политической борьбы парализовали благородные усилия других? Разве они подняли свой голос против заключения в тюрьму распространителей дешевых изданий? Разве они каким-либо способом помогали установить свободную прессу или пожертвовали сбор хотя бы с одного из своих общественных танцевальных вечеров в пользу бедных жертв тирании вигов? Нерон играл на скрипке, когда горел Рим, а благожелательные оуэнисты танцуют джигу на двухшиллинговых вечеринках в то время, как тысячи и десятки тысяч их более бедных сограждан изнемогают в нужде и нищете! И разве не являются чепухой их уверения в том, что кооперативные принципы могут быть установлены до того, как наша страна будет возрождена?»²⁹.

В январе 1832 г. состоялось специальное собрание членов Союза рабочего класса, посвященное обсуждению вопроса об оуэнистах. После дискуссии была принята резолюция, подтверждающая правильность линии Союза и ошибочность курса оуэнистов. В резолюции отмечалось, что, пока рабочие не осуществляют целей, выдвинутых Союзом рабочего класса, действия оуэнистов — пустая трата сил³⁰.

Несмотря на резкую критику оуэнизма, члены Союза вплоть до лета 1832 г. не решались на открытый разрыв с оуэнистами. Руководители Союза лелеяли надежду, что «честные и сознательные рабочие» не допустят вовлечения рабочих в бесполезную затею оуэнистов³¹. Не теряли они этой надежды и тогда, когда выяснилось, что оуэнистам удалось вовлечь широкие массы рабочих в свое движение. Члены Союза участвовали в кооперативных конгрессах, созываемых Оуэном, где пытались внести дух классовой борьбы. Кое-что в этом отношении им удалось сделать. Выше говорилось об адресе конгресса кооперативных обществ, в котором выражалась надежда на объединение рабочих и существовавших тогда правительств в деле строительства кооперации. Эта мысль — чисто оуэнистская, но рядом с ней в адресе звучала и другая мысль, отражавшая распространение идей Союза среди рабочих. Делегаты конгресса заявили в адресе, что если правительства добровольно не согласятся с их предложениями, то они «возьмут свое дело в собственные руки»³². Не удалось оуэнистам помешать рабочим сделать ряд самостоя-

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid., January 28, 1832.

³¹ Ibid., December 12, 1831.

³² «The Crisis», April 28, 1832.

тельных шагов в области основания кооперации. Вильям Карсон, делегат из Уигана (Ланкашир), с гордостью рассказывал на конгрессе кооперативных обществ о практических успехах кооперативной фабрики, организованной рабочими. Кооперативное общество уиганских рабочих включало свыше трех тысяч человек. Общество арендовало крупную фабрику. Работа на себя дала большой эффект: повысилась заработка плата, и рабочие стали лучше питаться и одеваться; отремонтировано и приведено было в порядок 60 коттеджей, открыты читальня и школа. Благодаря трудолюбию и настойчивости, говорил Карсон о членах кооперативного общества, они духовно и физически теперь находятся в независимом положении и далеки, очень далеки от нужды; их семьи здоровы и жизнерадостны, они одеты, их потребность в пище удовлетворена³³. Однако такое направление развития кооперации рабочих в духе независимости на каждом шагу наталкивалось на конкуренцию капиталистов, которая разрушала кооперативные начинания рабочих и тем самым способствовала пробуждению классового самосознания пролетариата. Не случайно спустя несколько лет оуэнисты покинули ряды участников вдохновленного ими самими движения, а правительство помогло капиталистам разгромить как кооперативное движение рабочих, так и возникший в 1832—1834 гг. массовый тред-юнион английского рабочего класса.

Летом 1832 г., когда предстояло последнее обсуждение биля о реформе в палате лордов, члены Союза вступили в переговоры с оуэнистами об организации давления на парламент, с тем чтобы в билле были учтены требования рабочих. Видимо, переговоры окончились полной неудачей, что вынудило членов Союза обратиться к крайней мере в попытках оторвать рабочих от оуэнистов — пойти на открытый разрыв с последними. Об этом говорилось в передовой «Защитника бедняка» от 2 июня 1832 г. Объявляя о разрыве с оуэнистами, авторы передовой в самой резкой форме осуждали их поведение. Оуэнисты назывались «неисправимыми болтливыми кумушками», а их «многословная тарабарщина», порождавшая несбыточные грэзы, расценивалась как «наибольшее проклятие, которое может выпасть на долю человечества». Люди, которые «не столь невежественны и бестолковы, как оуэнисты», не могут слушать без негодования бесстыдные заверения последователей Оуэна. Вместе с тем в передовой выражалось сожаление по поводу поведения оуэнистов, исключившего возможность совместных действий³⁴.

Означал ли открытый разрыв Союза с оуэнистами его отказ от коммунизма как конечной цели борьбы рабочего класса? От-

ветить на этот вопрос необходимо потому, что в дальнейшем чартисты очень редко применяли этот термин.

Нам не удалось обнаружить ни одного документа Союза или заявления его членов, в которых, хотя бы в косвенной форме, подвергался сомнению коммунизм как конечная цель борьбы рабочего класса. Наоборот, имеется ряд прямых заявлений об необходимости конечной цели учения Оуэна и программы Союза рабочего класса. В статье «Радикализм и оуэнанизм», например, говорится, что у членов Союза и у оуэнистов цель «одна и та же, и эта цель столь разумна, столь справедлива, столь священна, что ей не в состоянии противостоять мощь всех держав земного шара вместе взятых»³⁵. По мнению автора статьи, расхождения между радикализмом (под ним он имеет в виду сторонников программы Союза рабочего класса) и оуэнанизмом имеются не в этой области, а в области «методов, выбранных ими для достижения своих величественных замыслов»³⁶.

Таким образом, главной причиной возникновения идейных противоречий между оуэнистами и передовыми английскими рабочими явилось враждебное в своей основе отношение оуэнистов к самостоятельным действиям рабочих, в особенности к политическим действиям.

3

Членам Союза рабочего класса не удалось закрепить и развить первый успех в объединении передовых рабочих в особую политическую организацию, и в 1833 г. Союз прекратил свою деятельность. Активные силы распавшегося Союза влились в массовые рабочие организации, что дало мощный толчок их развитию. Оуэнисты, влияние которых на широкие слои рабочих тогда было очень велико, оказались во главе борющихся масс, объединившихся в Великий национальный союз профессий, насчитывавший около 500 тыс. человек. Короткий период существования этого объединенного тред-юниона (с февраля по август 1834 г.) сопровождался бурным ростом стачечной борьбы рабочих, манифестациями и другими массовыми выступлениями трудящихся. Объединенный тред-юнион распался в результате правительственные репрессий и гонений. Не последнюю роль в распаде тред-юниона сыграли и расхождения во взглядах его основателей. Оуэн и его сторонники стремились ограничить активность рабочих лишь участием в основании кооперативных обществ и базаров для справедливого обмена продуктов труда в духе утопического коммунизма. Такая позиция оуэнистов не могла удовлетво-

³³ «The Crisis», April 28, 1832.

³⁴ «The Poor man's guardian», June 2, 1832.

³⁵ Ibid., November 3, 1832.

³⁶ Ibidem.

рить рабочих, которые повседневно сталкивались с необходимостью вести борьбу со своими хозяевами.

Сторонники боевых действий рабочих настолько усилились, что Оуэн вынужден был закрыть газеты объединенного тредиуниона, чтобы не дать возможности своим противникам излагать их взгляды.

Капиталисты не замедлили использовать организационную слабость рабочих для наступления на жизненные интересы трудящихся. Повсеместно рабочих принуждали подписывать «документ» об отказе от участия в тредиунионах. В том же 1834 г. парламент принял ненавистный для рабочих «Закон о бедных»; безработные и нетрудоспособные стали загоняться в работные дома, прозванные за бесчеловечный режим в них «бастилиями для бедных».

Уроки классовой борьбы, развернувшейся в первой половине 30-х годов, не пропали даром для рабочих. Все большее и большее число рабочих начинало осознавать, что не в союзе с буржуазией, а в отделении от нее, в объединении в независимую политическую силу они могут добиться своих целей. Почин в создании первых независимых политических союзов рабочих положили известные уже нам участники Союза рабочего класса. По инициативе Ловетта, Гетерингтона и других была основана Лондонская ассоциация рабочих. Вслед за ней такого же рода ассоциации стали возникать в Ланкашире, Йоркшире и многих других районах страны. Общим политическим лозунгом возникших независимых политических союзов рабочих была Хартия, требование всеобщего избирательного права и условий, обеспечивающих каждому гражданину пользование избирательным правом. Однако на этом этапе оформления чартистского движения лозунг Хартии был принят также значительной группой буржуазных и мелкобуржуазных радикалов, объединившихся в Бирмингемский политический союз. Совместными усилиями чартистов и буржуазных радикалов организовывались массовые митинги, сбор подписей под петицией с требованием об утверждении Хартии законом страны, а в 1839 г. созван был первый рабочий конвент. Опыт всех этих массовых кампаний показал чартистам, что достигнутого в области организации еще недостаточно для отстаивания интересов рабочих, что надо пойти дальше и объединиться в единую политическую организацию. Стремление чартистов к объединению в масштабе всей страны привело к основанию в 1840 г. Национальной чартистской ассоциации.

Рост и укрепление Национальной чартистской ассоциации проходили в острой идеальной борьбе против мелкобуржуазных тенденций в рабочем движении. Напряженная идеальная борьба развернулась, в частности, между чартистами и оуэнистами.

Своё идеальное наступление против чартистов оуэнисты повели весной 1841 г. Поводом к этому послужило решение чартистов

принять самостоятельное участие в первом туре избирательной кампании по выборам в парламент³⁷ с тем, чтобы завоевать массы на свою сторону. Оуэнисты стремились доказать, что «чартизм представляет пустяковое и жалкое мероприятие»³⁸, и под таким девизом созывали рабочие собрания. Для оуэнистов теоретической основой развернувшейся дискуссии с чартистами служили руководящие статьи Оуэна, публикуемые в газете «New moral world». В обращении «К избирателям Великобритании и Ирландии»³⁹, в статье «Политика Британской империи»⁴⁰ и других статьях Оуэн заявлял, что политические изменения не имеют никакого значения для социального освобождения, что борьба за Хартию поэтому бесполезна и даже вредна, что не только английский парламент, но и деспотические правительства способны якобы даровать социальное счастье народу. По поводу Хартии Оуэн писал: «Если бы все пункты так называемой Хартии были достигнуты, действительное зло нынешней системы, истинные причины физических страданий и умственного убожества населения не только остались бы без лекарства, но многие из этих зол весьма усилились бы благодаря тем самым средствам, в которых сегодня усматривается надежда на облегчение»⁴¹. В подтверждение бесполезности усматривать в политических изменениях средство для социального освобождения Оуэн ссылался даже на пример Австрии, при посещении которой он якобы выяснил, что австрийская монархия «дает народу больше, а берет от народа меньше, чем какое-либо другое цивилизованное правительство»⁴².

Курс Оуэна был одобрен Центральным правлением оуэнистов который в специальном адресе призвал путем «терпеливости, доброжелательности и воздержанности» убедить господствующие классы в необходимости проведения предложенных Оуэном мероприятий»⁴³.

³⁷ В первом туре выборов депутатов парламента принимало участие все взрослое население. За несколько дней, а обычно накануне выборов, кандидаты, претендующие на избрание в парламент, выступали на общем митинге избирателей и неизбирателей с изложением своих позиций; затем происходило голосование поднятием рук. Хотя избрание кандидата на этом этапе выборов не имело юридической силы (действительные выборы происходили позже, в узком кругу имеющих право голоса), оно предоставляло широкую трибуну для агитации в массах. Этой возможностью воспользовались чартисты. Несколько успешно чартистские кандидаты использовали избирательную трибуну, свидетельствует тот факт, что после выборов 1851 г. правительство распространило имущественный ценз и на кандидатов, принимавших участие только в первом туре.

³⁸ «The New moral world», May 8, 1841.

³⁹ Ibid., July 3, 1841.

⁴⁰ Ibid., December 18, 1841.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibid., July 3, 1841.

Первые же дискуссионные собрания показали лучшую теоретическую подготовку чартистов и силу их аргументации в разъяснении задач рабочего класса.

Одним из первых было собрание в Сандерленде, на котором выступали Вильямс, руководитель местных чартистов, и Гамсби, секретарь местного отделения оуэнистов.

Гамсби выдвинул против чартизма следующие соображения: «Он (Гамсби.—Б. Р.) потерял веру в политическую агитацию. Правительства никогда не провели хотя бы одной полезной для народа меры». Ссылаясь на древнюю историю и американскую действительность, Гамсби утверждал, что избирательное право и демократия ничего не давали и не дадут народу, раз «общество разделено на классы». Изобразив демократию как антинародный и бесполезный для социальных преобразований институт, Гамсби осудил надежды чартистов добиться освобождения труда посредством завоевания власти.

Его оппонент, чартист Вильямс, обратил внимание на односторонность доводов Гамсби. По мнению Вильямса, Гамсби не знает общества, в котором было бы осуществлено всеобщее избирательное право. Гамсби ссылается на античные демократии, но забывает, что в них рядом со свободными гражданами находилось огромное число рабов. По той же причине несостоятельна ссылка Гамсби на американскую конституцию, допускающую рабство миллионов негров. Еще более неправ Гамсби, когда он бесполезность всеобщего избирательного права и демократии объясняет разделением общества на классы. Как раз наоборот, вся история учит, что в классовом обществе преуспевал только тот класс, который владел политической властью. «Вот если бы мистер Гамсби смог привести хотя бы один пример, показывающий, что политическая власть не даровала процветание тому классу, который владел ею, он (Вильямс) отказался бы от своей позиции»⁴⁴.

Некоторые оуэнисты повели наступление против чартистов как бы «слева». Группа последователей Оуэна образовала в Лондоне Общество коммунистической пропаганды. В июне 1841 г. оно опубликовало Декларацию, в которой заявлялось, что Хартия станет достойной поддержки только в том случае, если в ней будет отражено требование о предоставлении избирательных прав не только всем взрослым мужчинам, но и всем женщинам⁴⁵.

Кажущаяся новизна предложения о включении в Хартию требования о предоставлении избирательных прав женщинам сразу же исчезает, если вспомнить историю возникновения первого пункта Хартии. Члены Союза рабочего класса еще в 1831 г. выдвинули в своих программных документах лозунг всеобщего из-

бирательного права для мужчин и женщин. На первом этапе выработки Хартии (1836—1837 гг.) чартисты также предлагали внести требование о предоставлении избирательных прав мужчинам и женщинам, но их союзники в то время, буржуазные радикалы, настаивали на том, чтобы ограничиться требованием избирательных прав только для всех взрослых мужчин. Чартисты согласились, так как и в этом случае при достижении Хартии рабочие сразу же получали большинство голосов. Нарушить этот компромисс в обстановке, когда в чартистском движении принимали участие широкие массы мелкой буржуазии и часть средней буржуазии, значило бы для чартистов порвать с союзниками, сузить массовую базу движения, похоронить надежду стать руководителем народа.

Неожиданно для оуэнистов в защиту Хартии выступили сами женщины. Почин положили женщины члены семей чартистов Манчестера. На собрании, состоявшемся 21 июля 1841 г., они приняли «Адрес женщин, членов семей чартистов Манчестера, к своим сестрам Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльса», в котором призывали всех женщин Великобритании поддержать борьбу чартистов. Адрес заканчивался словами: «Поднимайтесь же, отважные женщины Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльса и присоединяйтесь к нам в требовании Хартии, которая защитит труд, обеспечит изобилие, комфорт и счастье для всех! Поддержите нас в исполнении долга в отношении наших призванных борцов, а именно, О'Коннора, О'Брайена и Бенбоу, которые вскоре выйдут из мрачных казематов и поведут нас к победе»⁴⁶.

Все же в это время оуэнисты еще надеялись подчинить чартистское движение своему влиянию и увести его с революционного пути. В июле 1841 г. в Южном Ланкашире состоялось собрание чартистских лекторов. Их вниманию был предложен ряд заранее подготовленных вопросов, касающихся задач рабочих в социальной области. Был поставлен на обсуждение и вопрос об отношении к собственности. Он формулировался следующим образом: «Когда Хартия станет законом страны, думаете ли вы, что существующий порядок относительно частной собственности может быть поддержан в согласии с свободой и счастьем всего народа?»⁴⁷.

Чартисты не опубликовали отчета о собрании, оуэнисты же начали писать о «новой фазе в чартистской агитации», одновременно признав чартистов в качестве «растущей и мощной партии»⁴⁸. В статье «Новая фаза в чартистской агитации», например, выражалась надежда, что чартисты переключат свое главное внимание с работы по «организации масс в целях достижения политических прав» на «самый ценный вид деятельности —

⁴⁴ «The New moral world», July 3, 1841.

⁴⁵ «The New moral world», July 31, 1841.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁴ «The New moral world», July 3, 1841.

⁴⁵ Ibid., July 17, 1841.

обучение масс знанию, как использовать политическую власть, когда она будет достигнута»⁴⁹. В другой статье «Социализм — вариант чартизма» оуэнисты, приветствуя поворот чартистов к исследованию социальных вопросов о «земле, труде, машинном производстве и капитале», опять-таки призвали чартистов ограничиться рамками пропаганды учения Оуэна. «Будем же,— говорилось в статье,— продолжать пропаганду рациональной системы общества посредством фактов и верить, что таким путем мы привлечем в конечном счете на свою сторону просвещенные, благожелательные и влиятельные элементы всех классов, сторонников различных убеждений и партий»⁵⁰.

Однако надежды оуэнистов были развеяны в процессе дальнейшего роста чартистского движения.

Серьезное значение для идейного размежевания между чартистами и оуэнистами этого периода представляет дискуссия между Пэрри и Ллойдом Джонсом, состоявшаяся в Лондоне в ноябре 1841 г. Дискуссия имела свою предысторию. Пэрри читал лекции о положении рабочего класса в Лондонском институте. По сведениям оуэнистского органа, на одной из лекций произошел такой эпизод: один из друзей лектора, социалист, выразив полную удовлетворенность красноречием, с каким были описаны в лекции страдания рабочего класса, захотел узнать, какие же предлагаются лекарства. Пэрри ответил, что он не знаком с каким-либо всеисцеляющим средством изгнания нищеты и создания рая на земле и отсылает задающих такие вопросы к Роберту Оуэну. «Намек на Оуэна вызвал улыбки слушателей»⁵¹.

Оуэнисты, возмущенные ответом лектора и реакцией аудитории, опубликовали статью, в которой чартисты недвусмысленно обвинялись в шарлатанстве. Автор статьи вызывал Пэрри на публичную дискуссию.

Перед тем как официально принять вызов оуэнистов, лондонские чартисты созвали 29 сентября общегородское собрание⁵². Кроме чартистов и их сторонников, на собрание пришли наиболее видные лекторы оуэнистов — Флеминг, Ллойд Джонс и другие. Обе стороны изложили свои позиции. В поддержку своей программы оуэнисты выдвинули явно несостоятельный аргумент, заявив, что рабочие-чартисты не имеют собственных образованных вождей и что все они недостаточно сознательны, чтобы претендовать на управление государством и т. п. Попытка оуэнистов скомпрометировать участников чартистского движения сразу же настроила собрание против них. Даже некоторые из их открытых друзей, присутствовавших на собрании, выступили с критикой

позиции оуэнистов. Шотски, например, сравнил «своих друзей социалистов» с крестьянином, который, желая заработать больше денег и скорее, взвалил на повозку такой груз, что лошадь не смогла сдвинуть ее с места.

Официальным докладчиком от чартистов выступил Стэлвуд. Он высказал интересную мысль о пути воспитания и подготовки рабочего класса к осуществлению руководящей роли в обществе. Этот путь, по мнению Стэлвуда, лежит через борьбу за политическую власть и ее завоевание. Рабочие на этом пути уже выдвинули из своих рядов талантливых вождей, а также привлекли на свою сторону наиболее образованных представителей из других классов⁵³, но подлинная учеба рабочих в управлении страной начнется только тогда, когда они откроют себе доступ к власти. «Если вы желаете,— разъяснял свою мысль Стэлвуд,— научить юношу мастерству башмачника, вы должны послать его работать в башмачное производство. Допустите нас к делу, и если мы невежественны сегодня, мы научимся завтра»⁵⁴.

Стэлвуд сформулировал также отношение чартистов к социализму. Конечной целью борьбы чартистов, говорил он, является социализм, а чартизм в этой борьбе служит «переходной ступенькой», средством для достижения социализма⁵⁵.

Собрание (на нем присутствовало, по данным «Northern Star», от 700 до 800 человек) одобрило позицию чартистов и вынесло решение о проведении публичной дискуссии с оуэнистами. Вскоре в «New moral world» появилось следующее сообщение: «Пэрри принял вызов Л. Джонса на дискуссию о достоинствах «всеобщего избирательного права и социализма». Будут обсуждаться «принципы чартизма и социализма»⁵⁶.

Дискуссия между Пэрри и Л. Джонсом продолжалась два дня. Ею руководили три председателя: общий, не связанный со спорящими сторонами эсквайр Корс, от социалистов — Флеминг, от чартистов — Мортон⁵⁷.

Главный огонь своей критики чартизма Л. Джонс направил против лозунга чартистов о завоевании рабочими политической власти как средства достижения социальной свободы. Выдвижение этого лозунга чартистами, по мнению Л. Джонса, свидетель-

⁵³ Напомним, что к тому времени уже были известны всей стране имена талантливых вождей из числа самих рабочих — Гарни, Лица, Гетерингтона, Ловетта, а из числа выходцев из других классов — О'Коннора, О'Брайена, Фроста и других.

⁵⁴ «The Northern Star», November 6, 1841.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ «The New moral world», November 13, 1841.

⁵⁷ Анализ дискуссии нами сделан по отчету «Северной звезды», опубликованному в номерах газеты за 4 и 11 декабря 1841 г. в форме стенографической записи. Отчет о дискуссии, опубликованный в оуэнистском органе («The New moral world», December 4, 1841), мало интересен, так как в нем дается только краткое изложение точек зрения участников дискуссии.

⁴⁹ «The New moral world», July 31, 1841.

⁵⁰ Ibid., November 6, 1841.

⁵¹ Ibid., September 18, 1841.

⁵² «The Northern Star», November 6, 1841.

ствует о их невежестве, непонимании принципов социализма, для осуществления которых не требуется ни революции, ни насилия, ни отстранения эксплуататоров от власти. Разъясняя позицию оуэнизма в этом отношении, Л. Джонс говорил: «...Вы не должны забывать, что план оуэнистов может быть осуществлен без введения новых законов или отмены ныне существующих законов, он может быть введен путем практических экспериментов..., ваши Генты, Коббетты, Картрейты лежат в могилах, а вы все еще остаетесь в том же положении, и вероятно, в нем останетесь. Один из влиятельных органов печати говорит, что, за небольшим исключением, вы представляете компанию неисправимых скандалистов (крики с мест — имя!) — «Times». Это свидетельствует о сильном настроении против вас: социализм предпочтительнее чартизма, так как мы не зависим от других, мы рассчитываем только на наши собственные ресурсы»⁵⁸. К положению оуэнизма о том, что его принципы могут быть осуществлены «с помощью сегодняшней политической власти»⁵⁹, Л. Джонс возвращался несколько раз.

Через всю аргументацию Л. Джонса красной нитью проходит страх перед революцией и неверие в народные массы. Уже в самом начале дискуссии Л. Джонс заявил: «Наши планы могут осуществить немногие, мы не нуждаемся в большинстве»⁶⁰. При этом он поставил в заслугу оуэнизму то обстоятельство, что правительство относится к нему доброжелательно. Да и как буржуазия могла иначе относиться к оуэнистам, если они на каждом шагу клялись, говоря словами Л. Джонса, в том, что «остаются на почве законности и не покушаются на существующие наиболее ценные институты»⁶¹. «Пусть Пэрри,— воскликнул Л. Джонс,— докажет, достигалось ли когда-нибудь что-либо хорошее через насилие или великие волнения»⁶². Рабочие в большинстве своем необразованы, поэтому они не могут действовать как масса или класс. Лишь после того, как «каждый человек станет достаточно образован» и каждый индивидуум «научится действовать достаточно хорошо», можно надеяться на то, что люди «станут действовать достаточно хорошо как массы»⁶³. Свой тезис о «необразованных массах» Л. Джонс ис-

⁵⁸ «The Northern Star», December 4, 1841. На второй день дискуссии Л. Джонс вновь сослался на враждебное чартизму мнение парламента и официальной прессы как на аргумент в пользу оуэнистов, что вызвало свист со стороны участников собрания и крики приветствия в честь чартистского органа «Северной звезды». В свою очередь Пэрри высмеял ссылку Л. Джонса на мнение парламента и «Times», сказав, что чартисты иного и не ожидали от своих противников (см. «The Northern Star», December 11, 1841).

⁵⁹ Ibid., December 4, 1841.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibid., December 11.

⁶³ Ibid., December 4.

пользовал опять же для дискредитирования политического лозунга чартистов. «Чартисты,— говорил он,— требуют только политической власти, забывая, что им надо вначале овладеть знаниями, как правильно распоряжаться властью»⁶⁴.

Как мы уже указывали, оппонентом Л. Джонса выступил Пэрри. Он отстаивал правильность политического лозунга чартистов, решавшую роль народных масс в свершении политических и социальных изменений, критиковал утопические проекты оуэнистов. Ссылаясь на историю, Пэрри разъяснял, что только тот являлся хозяином в социальной жизни общества, в чьих руках находилась политическая власть. «Передайте,— говорил Пэрри,— политическую власть, которую мы требуем, в руки народа, и зло, которое давит нас теперь, больше никогда не смогло бы существовать... Я заявляю, что те группы людей, которые завоевывали политическую власть, всегда были способны преуспевать в своих собственных интересах»⁶⁵.

Одно из своих выступлений Пэрри посвятил роли народных масс в общественных изменениях. Массы, говорил он, не могут больше терпеть, они поднимаются на борьбу; через развитие этой борьбы миллионов только и можно добиться свободы. «Хартия будет завоевана общественным мнением,— продолжал развивать свою мысль Пэрри,— но общественным мнением, выраженным не в кроткой, смиренной и добродушной социальной форме, а общественным мнением, поддержаным миллионом мужественных людей, знающих, как пользоваться своими руками и мускулатурой»⁶⁶.

В ходе дискуссии Пэрри неоднократно возвращался к мысли о том, что завоевание политической власти является необходимым предварительным условием для социальных преобразований. «Вы должны,— подчеркивал Пэрри,— вначале взять политическую власть, чтобы иметь возможность получить необходимые денежные средства»⁶⁷.

Дискуссия между Л. Джонсом и Пэрри еще раз показала полную противоположность взглядов оуэнистов и чартистов на политическую власть. Если первые вообще не ставили этого вопроса в своей программе, считая, что политическое господство буржуазии не является помехой для практического осуществления социальных проектов Оуэна, то вторые ясно и четко заявляли о невозможности введения нового социального строя без предварительного завоевания политической власти. Благодаря чартистам вопрос о политической власти стал главным вопросом английского рабочего движения того времени.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Ibid., December 11.

⁶⁷ Ibid., December 4.

Безусловно, этот факт сам по себе имел огромное значение для развития самостоятельной идеологии рабочего класса, но не меньшее значение он имел и для выяснения социальных интересов рабочего класса. Стоило чартистам встать на точку зрения необходимости предварительного завоевания политической власти, как социальный вопрос из области отвлеченной теории, отдельных экспериментов и т. п. превратился в задачу завтрашнего дня целого класса, огромного большинства угнетенных масс. Теперь уже не только каждый чартист вынужден был спрашивать самого себя, что же он будет делать сразу, как только окажется у власти, но и массы требовали от чартистов ответа на такой вопрос.

В дискуссии с Л. Джонсом Пэрри следующим образом разъяснял принципиальные расхождения чартизма с оуэнитизмом в подходе к социальным преобразованиям: «Я не считаю,— говорил он,— что Хартия, подобно жезлу Пропсера, немедленно предоставит нам все, в чем мы нуждаемся; мы слишком долго жили под воздействием классового законодательства, чтобы рассчитывать в один день вырвать зло с корнем. Но это будет сделано, власть даст нам возможность постепенно разрушить все, что нуждается в разрушении, и преобразовать все, что нуждается в улучшении...»⁶⁸.

Пэрри критиковал оуэнитов за то, что они на практике решение вопроса о социализме свели к фунтам, шиллингам и пенсам, нужным для социалистических экспериментов, и тем самым поставили себя в зависимость от богатых классов. По мнению Пэрри, уровень сознательности участников движения также не позволяет рассчитывать на немедленную организацию коммунистических общин. Напомнив слушателям, что, после того как были ликвидированы по распоряжению Оуэна изгороди вокруг полей общины «Новая гармония», свиньи в ту же ночь уничтожили посевы и сады, Пэрри отметил: «Один из больших пороков социалистов состоит в том, что они полагают, будто в нравственном мире нет никаких свиней и что все мы состоим из добродушных комнатных собачек»⁶⁹.

Далее этих общих замечаний в области социальных задач движения Пэрри не пошел. Можно, конечно, критиковать чартистов тех лет за неумение сформулировать требования рабочих в социальной области. Но, в отличие от оуэнитов, с их утопическими социальными проектами, чартисты, при всей своей отсталости в вопросах социальной теории, оставались на позициях борющегося пролетариата и решение вопроса искали в развитии классовой борьбы рабочих. В свое время из опыта классовой борьбы чартисты пришли к пониманию политических задач рабо-

чего класса, теперь из опыта борьбы за Хартию рабочим предстояло уяснить себе и те социальные задачи, решения которых они будут добиваться посредством Хартии. В действительности так и случилось.

Расчеты оуэнитов на победу в открытой дискуссии не оправдались: чартисты не только не были ослаблены, но приобрели десятки и сотни тысяч новых сторонников. Национальная чартистская ассоциация выросла за 1841 г. с 10 до 50 тыс. человек, в 355 городах возникли новые чартистские организации⁷⁰.

В апреле 1842 г. число подписей под чартистской петицией достигло 3.317.752. В июле того же года началось массовое вступление трендюнионов в чартистскую ассоциацию⁷¹. Оуэниты должны были признать, что О'Коннор пользуется «великим влиянием» среди рабочего класса, а «Северная звезда» и чартистские лидеры имеют «широкий круг читателей и слушателей»⁷². Принципы чартизма, говорится в другой редакционной статье оуэнитского органа, являются «политическим кредо рабочего класса» и «в общем они открыто признаются и поддерживаются тысячами из других классов, теми, кто еще не решается примкнуть к какому-нибудь народному или организованному движению в их пользу. Иными словами, почти всеобщей аксиомой в стране стало убеждение, что национальное процветание и благосостояние зависит главным образом от степени осуществления народом контроля над исполнительной и законодательной властью»⁷³. Но успехи чартистов не радовали оуэнитов.

По мере обострения классовой борьбы в стране страх Оуэна и его последователей перед революцией усиливался, и они предпринимали все возможное, чтобы не допустить революционного взрыва. Весной 1842 г. Р. Оуэн обратился со специальным воззванием ко всем борющимся силам — к правительству, парламенту, Лиге против хлебных законов, чартистам и другим, в котором призывал проявить «умственную энергию и моральную смелость в обеспечении постепенного процветания всех партий» с тем, чтобы избежать приближающейся революции⁷⁴. В том же духе поисков средств избежать революции прошел конгресс

⁶⁸ Ibid., June, 11, 1842. В отличие от чартистов, оуэниты не давали сведений о численном составе своей организации. Некоторое представление о ее размерах можно составить по материалам конгресса оуэнитов, состоявшегося в мае 1842 г. На конгрессе говорилось о 29 действующих оуэнитских организациях, в распоряжении которых имелись специальные помещения для чтения лекций и организаций «институтов», в том числе девять залов, вмещающих от тысячи до 3 тыс. человек. О существовании других групп или организаций, кроме упомянутых, на конгрессе не говорилось (см. «The New moral world», May 14, 1842).

⁶⁹ См. «The Northern Star», July 2, 1842 и другие номера.

⁷⁰ «The New moral world», July 31, 1841.

⁷¹ Ibid., December 18, 1841.

⁷² Ibid., April 23, 1842.

⁶⁸ «The Northern Star», December 4, 1841.

⁶⁹ Ibid., December 11.

оуэнистов, открывшийся 9 мая 1842 г. под председательством Р. Оуэна⁷⁵. Р. Оуэн попытался еще раз уговорить чартистов отказаться от своей программы. В обращении «К чартистам Британских островов» он заявил, что чартисты «расстреливают свое время в бесполезных теориях», а «шесть пунктов так называемой Народной хартии не являются радикальной реформой»⁷⁶. Антиреволюционная позиция оуэнистов того времени наиболее отчетливо выражена в обращении Р. Оуэна «К сэру Роберту Пилю, баронету, премьер-министру Британской империи». В обращении Оуэн предупреждал правительство, что в стране назревает «открытое восстание», что народ не может далее терпеть и собирается «взять свои дела в собственные руки». Задача правительства — снять нависшую опасность над «аристократией и капиталистами» и принять меры к улучшению положения народа, не дожидаясь, пока терпение последнего придет к концу и он сам проявит инициативу. Далее Оуэн изложил практическую программу деятельности правительства, чтобы избежать революции. Все практические предложения Оуэна для достижения «счастья» народа сведены в обращении к требованию обеспечения всем рабочим занятости и доступа к образованию.

Резкий переход оуэнистов от пролаганды идей коммунизма к открытой защите власти эксплуататоров вызвал гнев со стороны сознательных рабочих. На выручку оуэнистов поспешило правительство. В частности, собрания оуэнистов летом 1842 г. проходили под охраной полиции⁷⁷.

Если для оуэнистов 1842 год явился годом идеино-политического краха, то для чартистов он стал годом быстрого укрепления и расширения их идейного влияния на все организованное рабочее движение. Особенно ярко это выявилось во время всеобщей стачки рабочих Ланкашира и Йоркшира, наиболее развитых фабричных округов Англии. Стачка началась в первых числах августа 1842 г. стихийно, но через несколько дней переросла в политическую. Решение продолжать стачку до тех пор, пока «Хартия не станет законом страны», приняли конференция тред-юнионов, закрытая конференция чартистов, соответствующие резолюции принимались на митингах рабочих. Бастующие рабочие призвали рабочих всей страны поддержать их и повсеместно объявить стачку с требованием Хартии. По ряду причин, из которых главную роль сыграл начавшийся экономический подъем в стране, чартистам и присоединившимся к ним тред-юнионам не удалось распространить стачку на всю страну, передовой отряд английских рабочих вынужден был отступить.

⁷⁵ «The New moral world», May 14, 1842.

⁷⁶ Ibid., April 30, 1842.

⁷⁷ Ibid., June 25, 1842.

Всеобщая политическая стачка рабочих Ланкашира и Йоркшира 1842 г. внесла серьезные изменения в характер английского рабочего движения. Чартизм освободился от буржуазных элементов и стал господствующей формой объединения английского рабочего класса. Благодаря этому английские рабочие в 1843—1847 гг. добиваются крупных и прочных успехов для всего класса: фабричного законодательства, повышения заработной платы, 10-часового рабочего дня. К тому же времени относится начало массового кооперативного движения под руководством самих же рабочих (основывается чартистская Земельная компания, возникает кооперативное объединение Рочдэльских пионеров и т. д.), а также основывается национальный объединенный тред-юнион.

Происшедшие изменения в английском рабочем движении предрешили судьбу оуэнизма. По этому поводу академик В. П. Волгин пишет: «Мощное классовое движение английского пролетариата, чартизм, отодвинуло оуэновскую утопию на задний план. Подобно всем утопическим системам, с развитием реальной классовой борьбы система Оуэна утратила всякое историческое оправдание, а его школа выродилась в реакционную секту»⁷⁸. Вырождение оуэнизма в реакционную секту особенно отчетливо обнаружилось на последнем этапе чартистского движения — после 1848 г.

4

Перед тем как приступить к характеристике последнего этапа идейной борьбы между чартистами и оуэнистами, необходимо сказать несколько слов о позиции самого Оуэна на этом этапе. В отличие от его учеников, события 1848 г. не поколебали уверенности Оуэна в неизбежной замене капитализма коммунизмом, но в отношении пути достижения желанной цели у него возникли серьезные колебания. Если прежде он считал борьбу рабочих за политическую власть опасной для общества и бесполезной для самих рабочих затратой времени, то теперь она представлялась ему прогрессивным шагом к практическому осуществлению коммунистических идеалов. В открытом письме «К чартистам Великобритании, друзьям и согражданам» Р. Оуэн писал в декабре 1850 г.: «Во-первых, я не имею никаких враждебных чувств к чартизму, и я склонен верить в искренность и добрые намерения многих чартистских лидеров и многочисленных масс чартистов, полагающих, что Хартия, если она будет достигнута, окажется универсальным средством от всех политических и социальных зол. Во-вторых, я не имею ничего против того, чтобы чартисты испытали все свои силы и влияние

⁷⁸ Роберт Оуэн. Избранные сочинения, т. I, стр. 64.

для завоевания Хартии, и я никогда не стану чинить препятствий на их пути»⁷⁹.

Оуэн не скрывает мотивов, приведших его к изменению взгляда на значение борьбы рабочих за политическую власть. Опыт 1848 г. и последовавшей за ним реакции не прошел для Оуэна бесследно. Теперь он уже видит, что парламент, при господстве в нем буржуазных партий, будет и впредь против проведения мероприятий, направленных к улучшению условий жизни народа. Все партии, консерваторы, виги, либералы, представители духовенства, не способны, в силу своих предрассудков, действовать в интересах народа⁸⁰. В этой обстановке Оуэну приход чартистов к власти стал представляться наиболее верным историческим уроком, который помог бы рабочим в выборе пути для социального преобразования общества. Оуэн писал: «По моему мнению, подобно тому как американцы в Соединенных Штатах разочаровались в своей конституции, так и чартисты, когда они добьются Хартии, убедятся в ее неэффективности, что заставит их повернуть свое внимание к средству лучшему, более соответствующему для достижения их цели»⁸¹. Хартия, по мнению Оуэна, не может быть эффективной в области социального освобождения рабочих потому, что чартизм не объясняет, «как можно достичь полной занятости, хорошего воспитания и правильного управления»⁸². Для 1850 г. такое заявление Оуэна имело под собой известное реальное основание, так как после достижения ближайших экономических требований чартисты фактически не имели дальнейшей конкретной социальной программы. Но, когда в 1851 г. чартисты приняли новую программу, Оуэн снял свое сомнение в возможности добиться социального освобождения на основе чартизма. В ноябре 1851 г. он признал, что если бы чартисты имели право решать, они дали бы народу право на образование и право на труд⁸³.

Оуэн предпринял и попытку более реалистично осмыслить способы преобразования капиталистического строя в коммунистический. Как в свое время чартисты, встав на точку зрения необходимости предварительного завоевания политической власти, вынуждены были наметить социальные мероприятия, вытекающие не из догмы и добрых пожеланий, а из реально сложившихся экономических условий рабочего класса, так теперь Оуэн, признав прогрессивность политического лозунга чартистов, задумался о реальном пути к достижению идеалов коммунизма. Свои новые мысли в этом отношении он изложил в документе, опубликованном под названием «Ответ Роберта Оуэна на вопрос,

⁷⁹ «Robert Owen's Journal», December 28, 1850, p. 65.

⁸⁰ Ibid., November 22, 1851, p. 27.

⁸¹ Ibid., December 28, 1850, p. 65.

⁸² Ibidem.

⁸³ Ibid., November 22, 1851, p. 27.

«что он сделал бы, если бы стал премьер-министром Англии?»⁸⁴ Во внешней политике Оуэн руководствовался бы следующими тремя принципами: провозглашение политики мира; предоставление всем колониям политической свободы, а также экономической и культурной помощи (причем, Оуэн уже видел, что ему придется осуществить это мероприятие не пропагандируемым им ранее средством «сердечных и миролюбивых действий», а через «защиту освобожденных колоний от иностранного вмешательства и попыток закабаления»)⁸⁵; введение с согласия других стран наряду с сохранением национальных языков единого для всех народов языка.

Внутреннюю политику Оуэн обещал проводить в направлении обеспечения благосостояния каждого человека. Для этого была бы предоставлена всем работа, улучшено земледелие, изменена налоговая политика. При таком развитии общество пришло бы к упразднению частной собственности, но не одновременным актом, а постепенным процессом. «Для того, чтобы успокоить умы тех, кто имеет частную собственность и владеет исключительными привилегиями,— писал Оуэн,— было бы заявлено и соответственно так устроено, что никто не был бы лишен того и другого, равно как не было бы нарушено и их нынешнее положение до тех пор, пока возросшая сознательность не побудила бы их склониться к изменениям»⁸⁶.

Таким образом, можно говорить об известном повороте Оуэна к признанию вклада чартистов в разработку программы рабочего класса. К сожалению, этот поворот был непоследователен и не привел Оуэна к разрыву с его утопическими взглядами. По-прежнему Оуэн не отказывается от мысли уговорить правящие классы добровольно принять его проекты. С этой целью он пишет обращения к правительствам Европы и Америки, а затем к английской королеве с призывом выступить в роли «спасителей человечества от бесцельных революций, насилия и неисчислимой нищеты»⁸⁷. Правда, в конце 1851 г. он внес существенную поправку в свои расчеты на добровольное согласие господствующих классов ввести новые социальные порядки и говорил, что такие расчеты могут оправдать себя только при условии объединения энергии всех оппозиционных сил⁸⁷.

Груз прежних утопических заблуждений помешал Оуэну принять непосредственное участие в чартистском движении рассматриваемого периода, но, независимо от этого, позиция Оуэна, в общем благожелательная к чартизму, помогала чартистам, а не их противникам. Видимо, это чувствовали и те и другие. По

⁸⁴ Ibid., January 4, 1851, p. 74.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Ibid., January 18, 1851, p. 90.

⁸⁷ Ibid., November 22, 1851, p. 30.

крайней мере в чартистской прессе мы не находим критических выступлений в адрес Оуэна.

Вышеприведенные материалы, характеризующие позицию Оуэна в данный период, позволяют провести резкую грань между Оуэном и реакционной сектой, в которую выродилась его школа. Несмотря на все свои недостатки, Оуэн продолжал служить интересам рабочего класса. В связи с этим напомним характеристику Оуэна, данную В. П. Волгином, которая поможет нашим читателям более глубоко понять общую роль Оуэна в английском рабочем движении. Отметив свершившийся факт утраты системой Оуэна исторического значения и вырождение ее в реакционную систему, В. П. Волгин пишет: «Тем не менее исторические заслуги Оуэна велики. Наряду с другими великими утопистами он дал яркую и глубокую для своего времени критику капитализма. Сорок лет служил он неустанно интересам рабочего класса, как он их понимал. Сорок лет проповедовал он, хотя и в утопической форме, идеи коммунизма. Он настойчиво и горячо боролся за законодательное ограничение рабочего дня, за охрану труда, за просвещение рабочих масс, за общественное воспитание детей. Он — единственный из великих утопистов попытался связать, пусть на основе неудовлетворительной теории и потому неудачно, проблему социалистического преобразования с рабочим движением. Оуэн с полным правом занимает одно из первых мест среди тех великих мыслителей и деятелей, которых научный коммунизм считает своими предшественниками»⁸⁸.

В противоположность Оуэну, нашедшему в себе мужество признать справедливой борьбу чартистов, часть его старых последователей открыто перешла на сторону противников рабочих, основав движение христианских социалистов, среди которых большую роль сыграл уже известный нам оуэнист Л. Джонс.

Христианские социалисты призывали рабочих к классовому миру и отказу от самостоятельной политической борьбы, убеждали их в возможности добиться социального освобождения при сохранении капиталистических отношений. Рабочим говорили, например, о том, что их пенсии, собранные вместе, более могут быть, чем соверены богачей, и что, собирая свои пенсии вместе, рабочие смогут изгнать монополистов из производства и тем самым получить возможность производить и распределять в собственных интересах. Рабочим расхваливали «христианскую доброту» капиталистов и лендлордов, готовых якобы прийти на помощь рабочим. Чтобы как-то прикрыть эту вопиющую ложь, христианские социалисты организовали в Лондоне

⁸⁸ Роберт Оуэн. Избранные сочинения, т. I, стр. 64. Примерно такое же понимание роли Оуэна в английском рабочем движении высказывает английский историк А. Л. Мортон (см. А. Л. Мортон. Английская утопия, пер. с англ. М., 1956, стр. 161, 162).

кооперативное общество портных, снабдили его средствами и заказами от аристократов и, так как кооператив имел временный успех за счет заказов аристократов, его выдавали за всеиспользующее средство. Кооперативными обществами Лондона, находящимися под влиянием христианских социалистов (всего их было семь), руководил Л. Джонс. В руководящий состав созданного ими «Общества содействия образованию рабочих ассоциаций» вошли главным образом представители богатых классов — священники, адвокаты и т. п. (Морис, Кингсли, Нил, Лэнделу и другие); в той же среде христианские социалисты черпали средства для проведения отдельных экспериментов. Полная организационная и финансовая зависимость от буржуазии предопределила программу христианских социалистов.

Естественно, что линия христианских социалистов вызвала протест со стороны передовых английских рабочих, и прежде всего большинства чартистов.

Между тем чартистская организация все более укреплялась в идейном отношении. Под непосредственным влиянием К. Маркса, Ф. Энгельса и их соратников чартисты создали программу 1851 г. Особенно велик был вклад Маркса: статьи по экономическим вопросам в чартистском органе печатались в основном под его редакцией, некоторые из них были написаны и при его прямом сотрудничестве⁸⁹. Большое значение имело опубликование на страницах чартистской прессы «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и ряда других работ основоположников научного социализма.

Программа 1851 г. внесла большую ясность в принципы чартизма. В ней отчетливо сказано о решающей роли чартистской организации в борьбе за освобождение рабочего класса, в соответствии с чем задача укрепления чартистской организации, повышения ее руководящей роли в массовом чартистском движении и сохранения ее независимости от всех других политических движений определена как высший долг. В программе подтверждалось, что завоевание Хартии для достижения политической и социальной свободы является ближайшей задачей рабочих. Много внимания в программе удалено разработке экономических мероприятий, которые будут проводить рабочие, как только они завоюют Хартию⁹⁰. В разделах «Закон о труде», «Земля» и других говорилось о перестройке всей экономики на основе произ-

⁸⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 207; см. также письмо Э. Джонса К. Марксу от 1860 г. (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, № 868).

⁹⁰ Повышенный интерес к выработке экономической программы победившего пролетариата во многом объясняется надеждами чартистов на наступление в следующем, 1852 г., нового, более мощного революционного кризиса, чем в 1848 г., который охватит все страны Европы и приведет рабочих к победе. Как известно, эти надежды чартистов не оправдались.

водственной кооперации, о принципах производственной кооперации трудящихся, о национализации земли и методах ее пропаганды, о преобразовании постоянной армии в демократическом духе и о других мерах, призванных обеспечить освобождение труда.

Таким образом, в 1852 г., когда борьба между чартистами и христианскими социалистами, от имени которых выступал старый оуэнист Ллойд Джонс, снова разгорелась, чартисты были вооружены новым оружием, в то время как оуэнисты не сдвинулись со своих реакционных утопических позиций.

26 и 28 января 1852 г. в Галифаксе состоялась дискуссия между Ллойдом Джонсом и Эрнестом Джонсом⁹¹. В первый день дискуссии присутствовало 1300 человек, во второй — еще больше. Председательствовал Христофор Шэкльтон (чартист). Л. Джонсу было предоставлено право открыть дискуссию, Э. Джонсу — выступить с заключительным словом. Учитывая остроту идеиной борьбы между христианскими социалистами и чартистами, председатель призвал участников собрания «не проявлять открыто своего одобрения или осуждения» и сохранять спокойствие «в течение всей дискуссии». Каждый из оппонентов произнес по шесть речей⁹².

На обсуждение были выдвинуты два положения чартизма о путях разрешения социальных задач рабочего класса, сформулированных Э. Джонсом: «1. Кооперация трудящихся не может быть успешно осуществлена без предварительного завоевания политической власти народом. 2. Ошибки движения в данное время. Кооперативное движение в нынешнем виде содержит в самом себе зародыш разложения, оно несет массам замену одного зла другим и по существу пагубно в отношении действительных принципов кооперации: вместо ликвидации продажи ради прибыли оно возрождает ее; вместо уничтожения конкуренции оно воссоздает ее; вместо ограничения монополии оно усиливает ее, ограничиваясь простой заменой действующих лиц в одной и той же пьесе».

Оправдывать эти тезисы Ллойд Джонс не был в состоянии; видимо, поэтому, он на протяжении всей дискуссии нервничал, позволял себе грубые выпады против чартистов, уклонялся от обсуждения вопроса по-существу. На второй день дискуссии Л. Джонс вынужден был приподнять завесу над истинной позицией христианских социалистов в кооперативном движении. Ока-

⁹¹ Эрнест Джонс (1819—1869 гг.) — выходец из английской аристократической семьи. В чартистское движение вступил в 1845 г. Неоднократно избирался членом Исполнительного комитета и редактором центрального органа чартистов. С 1847 г.— член Союза коммунистов. Друг и соратник вождей международного рабочего движения К. Маркса и Ф. Энгельса.

⁹² Подробный отчет о дискуссии составлен репортером Джемсом Горнси для «The Huddersfield and Holmfirth Examiner». В журнале «Notes to the People» отчет опубликован в номерах за 7 и 14 февраля 1852 г.

залось, что вся премудрость христианских социалистов состоит в признании «права капитала». С точки зрения «права капитала» Л. Джонс оправдывал раздробленность в кооперативном движении, присвоение узкой группой пайщиков кооператива всей прибыли и другие способы капиталистического обогащения. По мнению Л. Джонса, на основе «права капитала» можно всем стать обеспеченными. Подобно тому, утверждал он, как многие капиталисты начинали свое обогащение, имея небольшие денежные суммы, так и собранные вместе пенсы бедняков могут принести им комфорт и счастье. Встав на позицию открытой защиты капиталистических порядков, Л. Джонс отвергал чартистский политический лозунг свержения господства капитала. Победа чартизма, заявил Л. Джонс, принесла бы то же, что завоевание в 1848 г. всеобщего избирательного права во Франции: «убийства, вероломство, конфискацию собственности и уничтожение свобод» (при этих словах терпение участников собрания лопнуло, и они ответили на клеветнический выпад Л. Джонса в адрес французской революции и чартистского движения свистом и криками возмущения). Отсутствие аргументации для опровержения приватизации чартизма Л. Джонс подменил бранью в адрес чартистов. Он, например, называл чартистов «хвастунами и лицемерами» и т. п.

В отличие от выступлений оуэниста, речи Эрнеста Джонса отличались ясной аргументацией, богатством мыслей и знанием положения в кооперативном движении. В первой же своей речи Э. Джонс отклонил клевету, распространяемую христианскими социалистами, будто чартисты относятся враждебно к кооперативному движению, и еще раз сформулировал понимание неразрывной зависимости разрешения социальной задачи рабочего класса от предварительного завоевания политической власти. Э. Джонс говорил, что «он не является одним из тех, кто считает кооперативное движение ошибкой. Наоборот, он относится к тем, кто полагает, что социальное возрождение не может быть достигнуто иначе, как только на основе системы кооперации. В то же время он находится среди тех, кто считает, что система кооперации не может быть осуществлена, если вначале не будут убраны препятствия, которые лежат на ее пути. Более того, он относится к тем, кто думает, что нынешняя система кооперации даже в случае устранения указанных препятствий привела бы не к социальному освобождению, а к еще большей нищете. Что касается кооперации, основанной на правильной базе, то она может дать эффект в качестве национального лекарства только после того, как ей будет предшествовать завоевание политической власти».

Ввести производственную кооперацию «без овладения политической властью» нельзя, говорил Э. Джонс, в силу ряда обстоятельств. Чтобы основать производственную кооперацию, разъ-

яснял он, необходимы крупные средства на покупку земельного участка, строительных материалов или же на приобретение готовой фабрики, машин, сырья. Поэтому, чтобы собрать средства для основания одной кооперативной фабрики, на которой работу получили бы *немногие*, понадобились бы пенсы *многих*. Посмотрите хотя бы на опыт «Объединенного железоделательного производства». Для основания его требуется собрать 10 тыс. ф. ст. с 12 тыс. человек, а работу получат только 200—300 человек. Допустим, продолжал Э. Джонс, что данный кооперативный концерн начал действовать. Сразу же он натолкнется на конкуренцию капиталистов. Последние, чтобы свалить кооперативное объединение, станут снижать стоимость своей продукции через снижение заработной платы своих рабочих. Что останется делать кооперативу? Он не хочет грабить своих членов, тогда остается одно — пожертвовать прибылью. А раз так, то всякая возможность дальнейшего расширения кооператива и воспроизведения его капитала исключаются, а массы по-прежнему останутся под гнетом капитала. «До тех пор,— подчеркивал Э. Джонс,— пока капиталист способен выбрасывать излишки рабочих рук на рынок, до тех пор он будет иметь рабочих у своих ног. До тех пор, пока имеются голодающие и ищущие работы люди, капиталист будет иметь подневольных наемных рабов. До тех пор, пока капиталист располагает подневольными наемными рабами, он может продавать дешевле кооператора и, таким образом, препятствовать ему воспроизводить капитал».

Э. Джонс напомнил также слушателям о существовании ряда законов, которые даже в случае появления денег у рабочих кооперативов не позволили бы приобрести необходимые средства производства. К таким законам Э. Джонс отнес акты, закрепляющие порядок наследования земли без права отчуждения. Все эти законы приняты политической властью, только она и может отменить их; все дело, следовательно, в том, в чьих руках находится власть.

Если бы власть находилась в руках рабочих, все шло бы иначе. «Политическая власть,— говорил Э. Джонс,— предоставила бы рабочим капитал. Местные доходы, церковная десятина, налоги... стали бы капиталом кооперации. С помощью своей политической власти рабочие смогли бы также издать законы, охраняющие кооперацию». По словам Э. Джонса, рабочие, став у власти, добились бы в течение одной сессии парламента большего, чем за тысячу лет борьбы под господством капиталистов.

Э. Джонс заявил, что освобождение рабочего класса начнется с завоевания политической власти, что именно на политической арене рабочим открываются благоприятные перспективы и именно на ней рабочие могут создать перевес сил в свою пользу. «В политической борьбе,— говорил Э. Джонс,— шансы в нашу пользу. В финансовой борьбе они в пользу нашего врага. В по-

следнем случае он имеет тысячу ф. ст. против одного нашего, в первом случае мы имеем тысячу человек против их одного».

Много внимания в выступлениях Э. Джонса было уделено разоблачению позиции христианских социалистов в кооперативном вопросе. Ссылаясь на факты, Э. Джонс показал, как христианские социалисты поощряют раздробленность в кооперативном движении, погоню за прибылью за счет ограбления покупателей, дух господства небольшой кучки привилегированных и другие пороки, порождаемые капиталом. Э. Джонс призывал преодолеть такого рода ошибки и заблуждения и «вместо предприятий, основанных изолированно друг от друга, пустить в ход грандиозное, национальное кооперативное движение, в котором вместо столкновения интересов между отдельными предприятиями господствовало бы тождество интересов между ними». Ошибки и заблуждения необходимо преодолеть и в области распределения, где «вместо отдельных кооператоров, кладущих в свой карман всю накопленную прибыль и становящихся новыми капиталистами, все доходы, за исключением производственных издержек, включая справедливую оплату за израсходованные время и труд, передавались бы в фонд для создания дополнительных кооперативных лавок, заводов, ферм и мастерских».

Дискуссия закончилась полной победой Э. Джонса. Его заключительное слово неоднократно прерывалось аплодисментами всего зала. Приведем небольшой отрывок из заключительного слова Э. Джонса, в котором он еще раз сформулировал сущность спора и которое дает представление о настроении аудитории. «Что дала их кооперативная система? Они же сами признают, что последние 36 лет занимались добыванием денег. Почему же они не стали богаче? Сегодня они не ближе к достижению достатка, чем были в начале своей деятельности. Они не представляют ничего иного, кроме указательного столба, который вместо того, чтобы указывать народу правильный путь, направляет его на ошибочный путь, назад, к гильдиям мрачных веков (*громкие аплодисменты*). Без политической власти вы будете продолжать чинить штаны лакеям епископов, с ней же — мы займемся разделом земель самих епископов среди бедных (*продолжительные аплодисменты*). Я не пытаю враждебных чувств к кооперации, но я утверждаю, что... ключ к решению всех вопросов лежит в достижении политической власти... Мы также являемся кооператорами. Мы также приглашаем вас в свою кооперативную фабрику... Так мы ткем политическое освобождение, украшенное богатой вышивкой социальных прав (*громкие аплодисменты и одобрительные возгласы*)».

Несмотря на возражения председателя, участники собрания потребовали голосования основных положений оппонентов. За одобрение позиции Э. Джонса поднялся «целый лес рук», за одобрение позиции христианских социалистов проголосовали

лишь немногие. Председатель объявил, что громадное большинство собрания высказалось за то, что «Эрнест Джонс доказал свои положения».

На первый взгляд может удивить то обстоятельство, что Э. Джонс, вождь чартистов, член Союза коммунистов, личный друг Маркса и Энгельса, в дискуссии с представителем христианских социалистов ни разу не употребил термина коммунизм для характеристики позиции чартистов. Но мы уже упоминали, что чартисты проявляли большую осторожность в применении этого термина, хотя они и не забывали подчас напоминать о коммунизме как о своей цели. Нам думается, что редкое употребление чартистами термина коммунизм объяснялось двумя причинами. Во-первых, и это главное, термин коммунизм был в Англии того времени на вооружении у идеальных противников чартистов — оуэнистов; во-вторых, чартисты не знали, как правильно назвать период социальных преобразований, призванный подвести общество к практическому введению принципов полного коммунизма, т. е. переходный период от капитализма к коммунизму. Как известно, только К. Маркс и Ф. Энгельс смогли научно определить этот период как диктатуру пролетариата и первую фазу коммунизма.

О том, что, отставая план перестройки социального строя на базе производственной кооперации рабочих (после завоевания политической власти), чартисты имели в виду создание исторических условий для достижения полного коммунизма, можно судить по следующему заявлению Э. Джонса: «Некоторые рекомендуют,— писал он в 1851 г. в одной из статей,— открыть национальные склады, в которых должны быть сосредоточены продукты труда для взаимного обмена, а государство в целях обеспечения такого обмена должно издать трудовые знаки в объеме стоимости находящихся на складах промышленных товаров и предметов питания. Если бы все люди без исключения сдавали свои продукты труда на государственные склады, это могло бы годиться, но так как такое положение дел нельзя предполагать, то указанное предложение не может быть реализовано по крайней мере до установления коммунизма или очень близкой к нему системы. Но коммунизм еще очень отдален от нас, ввиду чего, как это представляется мне, предлагаемый план практически не может быть исполнен»⁹³. Какого рода план считал Э. Джонс годным к практическому осуществлению сразу же после завоевания власти, мы видели из материалов дискуссии: это полное внедрение производственной кооперации в промышленность и земледелие. Джонс допускал и применение других «адекватных» производственной кооперации форм социальных преобразований⁹⁴, но для Англии, с ее развитыми традициями

кооперации, именно в ней он усматривал наиболее целесообразное средство для замены системы подневольного наемного труда системой свободного и независимого труда равноправных членов общества. Если к этому добавить, что, по мысли Э. Джонса, внедрение производственной кооперации означало бы обобществление всех средств производства⁹⁵, то перед нами — идея, по своей сущности очень близкая к марксистскому пониманию движения общества к коммунизму.

* * *

Рассмотренные нами материалы об идейной борьбе между оуэнистами и чартистами позволяют сделать следующие общие выводы.

Идеи коммунизма, даже в той утопической форме, в какой они выступили в учении Оуэна, нашли дорогу к английскому рабочему классу и обрели в нем материальную силу. Это подтверждается не только образованием в английском рабочем движении оуэнистского направления под руководством самого Оуэна, но и принятием чартистами коммунизма в качестве конечной цели борьбы. Однако оуэнисты ограничились механическим перенесением учения Оуэна на почву новых исторических условий, что привело их к столкновению с действительным положением вещей, к неудачам, к отрыву от рабочих и дальнейшему сближению с буржуазными течениями, пока они не растворились во фракции мелкобуржуазных реформистов. Принадлежа к прошлому, оуэнизм оказался неспособным идти вперед в развитии учения Оуэна, и по мере того, как реакционность учеников Оуэна принимала все более открытую форму, сам основатель утопического коммунизма отходил от них. Чартисты же, воспринимая учение Оуэна о коммунизме, сделали шаг вперед в развитии коммунистической теории. Смысл творческого вклада чартистов в развитие коммунистической теории состоял в достижении первых успехов на пути создания подлинного пролетарского социализма, разработке идей о необходимости завоевания политической власти рабочим классом, об объединении рабочего класса в свою особую, независимую от буржуазии партию, об использовании завоеванной политической власти как средства для социального освобождения трудящихся на основе производственной

⁹³ Приведем одно из высказываний Э. Джонса по этому вопросу: «Идти вперед — это значит поощрять всякий шаг в направлении централизации. С этой точки зрения денежные короли работают на нас. Задача состоит не в разрушении централизации собственности, а в том, чтобы вырвать централизацию из рук немногих и передать ее в руки государства, т. е. централизовать собственность как общенародную, а не как частную. От народной централизации все извлекут пользу; от частной централизации все, кроме немногих лиц, испытывают одни страдания» («Notes to the People», 1851, p. 84).

⁹⁴ «Notes to the People», 1851, p. 85.

⁹⁵ Ibid., p. 409.

кооперации и другие идеи, впервые отразившие действительные отношения происходящей классовой борьбы в Англии.

Благодаря тому, что в чартизме оформились некоторые элементы подлинного пролетарского социализма, он больше, чем какое-либо иное течение общественной мысли в Англии, приблизился к марксизму. Тем же обстоятельством объясняется отношение К. Маркса и Ф. Энгельса к чартистам как союзникам и соратникам в борьбе за освобождение рабочего класса⁹⁶.

⁹⁶ Вопрос об отношении коммунистов к чартистам как сложившейся партии английского пролетариата рассматривается во многих произведениях и письмах К. Маркса и Ф. Энгельса. Назовем некоторые из них: «Манифест коммунистической партии» (соч., т. 4, стр. 437—438, 458 и др.); «О Польше» (соч., т. 4, стр. 371—373); «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов (июнь 1850 г.)» (соч., т. 7, стр. 328); «Манчестерская иностранная секция — всем секциям и членам Британской федерации» (соч., т. 18, стр. 192—196).

Материалы к теме:

В.Вознесенская. Экономические воззрения великих социалистов-утопистов Запада
http://enlightment2005.narod.ru/arc/utopists_voznesenskaya.pdf

З.Замыслова. Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"
http://vive-liberta.narod.ru/doc/tabl_ilm.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв.половина 19 в.
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

Г.Быков. Английский рабочий класс во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в.
http://vive-liberta.narod.ru/journal/eng_xviii-xix_cs-1933.pdf